

ПОЛИНА ЛЮРО
ГИПНОТИЗЁР

Полина Люро Гипнотизёр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68707722

SelfPub; 2022

Аннотация

Поверив другу, Мик отправился на сеанс к гипнотизёру, по слухам способному показать одно из его прошлых воплощений. И влип в большие неприятности...

Полина Люро

Гипнотизёр

Это всё Эдди виноват — знал, гадёныш, что я обожаю мистику и обязательно поведусь на его рассказы об этом гипнотизёре, вроде бы, способном показать человеку одну из прошлых жизней. Перерождение и всё такое — интересно же посмотреть на себя со стороны. Разумеется, я сначала откачивался от его «заманчивого» предложения, смеялся над этой несусветной глупостью, так что мы чуть было не поссорились, и даже больше того... В итоге каждый из нас услышал о себе *много нового*.

Я обиделся и в другое время, может, и не пошёл бы с ним на мировую, но не хотелось пропускать день рождения приятеля, ведь туда обещала прийти Эллен — с детства по ней с ума сходил... Вот и сделал вид, что поверил в бредни болтуна. Мне и в голову не пришло, что она с ним сговорилась... За что, спрашивается? Ещё в дружбе клялись, сволочи — им, видите ли, *было скучно*, а дурацкий розыгрыш — как раз то, что надо для веселья. Зашибись, да?

Немного поупиравшись для вида, я отправился с шутником за два квартала от рыночной площади, где мы обычно тусовались с ребятами, прямо на узкие улочки Старого города. Не лучшее место для прогулки — темно и стрёмно,

мусора по колено, пахнет мочой и тухлыми овощами, в одиночку там лучше не ходить. Только туристы в этой клоаке и шастают — что за идиоты, эти любители экзотики...

Если честно, с самого начала чувствовал, что ничем хорошим наш поход не кончится, но не хотелось давать Эдди повод называть себя слабаком и лузером, да ещё перед девчонками. И я высоко задираю нос, сплёвывая на булыжники мостовой, делая вид, что мне здесь спокойно, как в гостях у бабушки. Но в глубине души радовался — это всего лишь Старый город, за которым присматривает полиция, а не «быдло-пригород» с его наркошами и разноцветными притонами...

Мы недолго плутали по переулкам с маленькими магазинчиками и лавками на колёсах, где под натянутыми полосатыми тентами ушлые торговцы дурили приезжих азиатских толстосумов, выдавая грубые поделки мигрантов за чудом сохранившиеся старинные артефакты из подвалов знаменитой городской крепости. Главное, ведь до сих пор находятся дураки, верящие в этот бред — да пустые коридоры уже тысячу раз прошерстили местные искатели сокровищ и приключений — даже завалившего черепка или осколка пивной бутылки не оставили...

Короче, пыльные каменные стены и загаженный непонятно кем пол — вот что такое нынешнее подземелье, откуда даже крысы давно сбежали. Испугались, наверное, снующих туда-сюда привидений — ещё одна разрекламирован-

ная журналистами чушь... Мой дядя Жорж, много лет проработавший в редакции «Вечерних новостей», сам, смеясь, рассказывал, что каждый год им приходится придумывать очередную «жуткую историю», чтобы подогреть остывающий читательский интерес к единственной стоящей достопримечательности нашего приморского городка.

Первый раз я затормозил перед крутой металлической лестницей, ведущий на второй этаж старинного, с облупившимися, как загорелый нос младшей сестрёнки, стенами дома. Сердце неприятно кольнуло, и между лопатками пробежал странный холодок, хотя на улице стояла июльская жара за тридцать.

Эдди ухмыльнулся, потянув меня за руку:

– Может, передумал? Скажи... Не хочу потом выслушивать вопли твоей мамочки, что её любимый сыночек...

Я пнул его под коленку:

– Заткнись и веди, болван.

Друг радостно заржал, встряхивая жёлто-зелёными дредами и сверкая голубыми белками больших тёмных глаз. И я в который раз позавидовал гладкости его смуглой, почти шоколадной кожи, на которой даже в такое пекло не было и капли пота, в то время как на моей бледной физиономии не осталось сухого места, а старую футболку уже можно было выжимать.

Мы остановились перед серой крашеной дверью, и неожиданно оробевший Эдди несмело в неё постучал. Ответа не

было ни на этот, ни на последующие более уверенные удары его кулаков. Обычно быстро терявший терпение друг уже приготовился пустить в ход свои новые белые кроссовки, но тут раздался скрип несмазанных петель, и моё сердце снова засуетилось, подскакивая, как старый велосипед на сельской дороге...

Перед нами стоял невысокий остроносый человек с маленькой бородкой-клинышком и такими пронзительным взглядом прищуренных глаз, что, невольно попятившись, я чуть не свалился со скользкой ступеньки, но, подхваченный рукой друга-регбиста, устоял, едва подавив нестерпимое желание спрятаться за его широкой спиной. Незнакомец хмыкнул, окинув меня любопытным взглядом, кивком головы приглашая войти внутрь полутёмного помещения.

Мы с Эдди нерешительно потоптались на месте и, наконец, переступили порог небольшой комнаты с занавешенными окнами, где единственным светлым пятном была настольная лампа возле широкого кожаного кресла. Хозяин этого сразу не понравившегося мне места неожиданно громко закашлялся, и я вздрогнул от его резкого, надрывного хрипа, шепнув на ухо друга:

– Что за запах — чувствуешь? Я сейчас сдохну от этой вони, словно зашли в парфюмерную лавку твоего деда...

Смех незнакомца, перемежавшийся с непрекращавшимся кашлем, окончательно меня добил:

– Так это и есть твой любопытный друг, Эдди, желающий

заглянуть *за грань* и узнать своё прошлое? Хм, Мик, кажется? А ты выглядишь моложе, чем я думал... Похоже, малыш, у тебя слабость к фрикам... — и он, подойдя ко мне вплотную, стрельнув глазами в сторону помрачневшего приятеля, вытер мокрый лоб несвежим платком.

Мне не понравился его нахальный, цепкий, словно оценивавший взгляд и насмешливый тон, и, сбросив с плеча руку друга, сжав кулаки, я шагнул навстречу:

– Это кто тут фрик? У тебя какие-то проблемы, парень, нет? Могу устроить...

Ей-богу, мой напор понравился этому придурку, и его глаза влажно блеснули. Он примирительно поднял руки:

– Прости, прости, дружок... Это недоразумение, позволь представиться — Эмильен Штерн, дипломированный врач и известный специалист по гипнозу. Видишь ли, Мик, у меня больные лёгкие, вот и приходится жечь благовония — чтобы легче дышалось.

Я окинул взглядом комнату с потрескавшимся потолком, потёртыми, местами рваными обоями и ухмыльнулся, приготовившись доходчиво объяснить ему, что при кашле нужен свежий воздух, и вообще, высказать всё, что думаю о таких «докторах». Но Эдди ткнул меня в спину, напомнив, зачем мы сюда притащились, и пришлось промолчать.

Тем временем «доктор», приклеив к губам противную улыбку, указал мне на кресло, и, едва удержавшись от желания плюнуть ему в морду и уйти отсюда, я с безразличным

видом плюхнулся на потёртое скрипучее сидение. Потирая руки о колени, Штерн сел на стул рядом, окинув меня жёстким, на редкость неприятным взглядом. Могу поклясться, в нём было настоящее злорадство, так что и без того мокрая футболка тут же прилипла к спине, а живот подозрительно скрутило.

Голос «специалиста» стал мягким и глубоким, от него почему-то сразу потянуло в сон, хотя, возможно, дело было в сладком, заполнявшем всё вокруг дурманящем запахе:

– Не передумал ещё, Мик, и в самом деле хочешь увидеть своё предыдущее воплощение? Вдруг прошлое ужаснёт тебя? А если там мрак и отчаяние — справишься?

Я вцепился в кожаные подлокотники так, что пальцы побелели от напряжения, и буркнул:

– Начинай, месье Эмильен Штерн, посмотрим, какой из тебя гипнотизёр...

Словно издалека донёсся встревоженный голос Эдди:

– Мне всё это не нравится. Оставьте себе деньги, доктор, мы уйдём — плохая была идея...

Но Эмильен уже приблизил ко мне бледное лицо, и, казалось, его вкрадчивый шёпот словно яд парализовал беспомощный мозг:

– Сейчас я сосчитаю до трёх, и ты уснёшь, детка. Что бы там не происходило, ничего не бойся, когда придёт время, добрый месье Штерн вернёт тебя назад... Веди себя хорошо — один, два, три...

Глаза быстро привыкали к темноте, и сквозь сумрак начали проступать очертания покрытых мхом серых каменных блоков. Вокруг только стены и никаких окон. В холодном воздухе пахло сыростью и пылью, где-то неподалёку тишину разрывали ритмичные звуки падающих капель. Мутное яркое пятно справа от меня оказалось чадящим факелом, и, протянув к нему руку, я чуть не обжёгся:

– Ничего себе... Значит, всё не как в кино, когда смотришь со стороны — запахи, звуки, ощущения — настоящие... Странно — я же, вроде, сплю, и моё тело там, в комнате этого типа. Видно, Эмильен — действительно мастер своего дела. Куда меня занесло? Похоже на подземелье нашей крепости. В своё время мы там с ребятами всё излазили, хорошо, что Дидье догадался стащить у отца план коридоров, а то плакали бы наши мамы. Какими же дураками мы тогда были...

От внезапно раздавшегося хнычущего звука я едва не подпрыгнул, и рука, ища опору, сама скользнула по влажному мху. Брезгливо вытерев ладонь о джинсы, тихо выругался, но жалобные всхлипы на мгновение остановили моё перепуганное сердце:

– Неужели дядя Жорж солгал, и привидения на самом деле существуют? В любом случае, бежать-то некуда...

Во мне боролись страх и любопытство, и второе, как всегда, победило: дрожащей рукой я снял со стены показавшийся слишком тяжёлым факел и, освещая дорогу, осторожно

пошёл вперёд. Слой пыли под ногами означал, что здесь уже давно никого не было, и это, честно говоря, не добавляло ни оптимизма, ни уверенности в себе.

Затормозив у развилки, где коридор поворачивал налево, долго не мог решиться сделать шаг в неизвестность. И только новый жалобный всхлип:

– Господи, спаси и сохрани... — подстегнул меня к действию.

Коллеблющееся пятно света выхватило из темноты большие испуганные глаза, прямой тонкий нос и пухлые губы. Я даже слова не успел сказать, как длинноволосый дурачок в сером тряпье взвизгнул, и у моего лица блеснуло серебристое лезвие. Привычным движением, отточенным долгими тренировками с Эдди, выбил нож из руки застонавшего мальчишки:

– Отпусти, проклятое демонское отродье, всё равно не получишь мою душу...

Послушно освободив тонкое запястье из захвата, направил свет в лицо хнычущего противника, одновременно пытаясь понять, что не так с этим тощим светловолосым парнем — слишком худое заплаканное лицо с огромными глазами, дрожащие розовые губы... Да ещё уставился на меня, словно перед ним и в самом деле нечисть, а не обычный...

– Чёрт, чтоб мне сдохнуть — это же...

Какое-то время я оторопело тарашился на вжавшуюся в стену девчонку, не в силах говорить, потому что именно в

Этот момент вспомнил, зачем я здесь — чтобы увидеть своё прошлое воплощение... Что ж, вот мы и встретились, нда... Слова сами слетели с губ:

– Серьёзно, *девчонка*? Какого... так нечестно...

Она вытерла глаза рукавом страшной, как смертный грех, залатанной рубахи и, одёрнув широкие штаны, из-под которых выглядывали бледные голые ступни, гордо задрала нос:

– Как ты догадался? Впрочем, неважно... мерзкий пособник дьявола, лучше не приближайся — я не отдам тебе душу. Учти — у меня с собой святая вода, — и эта бестолочь начала шарить рукой на поясе, как я понял, в поисках фляги или бутылки. И, конечно же, ничего не нашла, растеряха... Спросите, как догадался? Да проще простого — у самого те же проблемы.

Вздыхнув, ногой подтолкнул к себе нож и быстро его поднял, краем глаза наблюдая, как девчонка испуганно отслеживает каждое моё движение. Когда же, ещё больше побледнев и шепча молитву, она сложила маленькие кулачки на груди — пусть и с запозданием, мне стало её жаль. Я откашлялся, пытаюсь скрыть смущение, и протянул с показным равнодушием:

– Вот чудачка, заталдычила одно и то же — перестань трястись и посмотри внимательно — какой из меня пособник дьявола? Обычный человек, и всё, просто заблудился в подземелье. Да ты тоже, наверное, не погулять сюда пришла... Кстати, как тебя зовут, потеряшка?

Может, показалось, но после этих слов девчонка немного расслабилась, опустив худенькие плечи:

— Я — Мишель, дочь кузнеца Мартена... Когда этим утром отец прибежал домой с криками, что на крепость снова напали сарацины, мама отправила меня с другими детьми и женщинами в убежище... Но... так получилось, что я отстала и не смогла найти дорогу — факел внезапно потух, а огниво пропало...

Понятливо хмыкнув, подумал:

— Кто бы сомневался... надо же, она — тоже Мишель, хотя ребята с детства зовут меня Мик. Занятная особа, совсем на меня не похожа, но есть у нас одна общая черта — врёт и не краснеет. Или чего-то не договаривает, вон как глазищи прячет... Хотя, с какой стати ей откровенничать с незнакомцем? Я бы точно не стал.

От моего пристального, изучающего взгляда Мишель помрачнела, начав лихорадочно что-то искать в своей тряпичной, перекинутой через грудь сумке. Я заметно напрягся — похоже, девчонка до конца не поверила, и кто знает, какой ещё «сюрприз» она прятала в этой штуковине. Драться с ней, понятное дело, желания не было, поэтому пришлось постараться, чтобы на этот раз голос звучал как можно доброжелательнее:

— Знаешь, Мишель, а мы с тобой — тёзки, только друзья называют меня Мик, сам не знаю почему. Ты тоже можешь... если хочешь, конечно, а что там, в сумке? Ух ты, зачем тебе

такой большой крест, тяжёлый, наверное...

Я невольно сделал шаг назад, представив, как получаю по уху этой махиной, которую психованная малолетняя дура еле удерживала обеими руками, выставив перед собой наподобие щита. И, кажется, моё отступление было воспринято не совсем верно, о чём свидетельствовал почти змеиный шёпот, слетавший с таких симпатичных губ:

— Думал обмануть меня, демонское отродье... Человеком прикинулся, а от святого креста отворачиваешься?

В ответ я деланно рассмеялся, стараясь держать дистанцию от озверевшей фанатички:

— Эй, мадемуазель Мишель, не дури... Не боюсь я твоего креста — не вампир же, тоже мне, нашла чем пугать... — и добавил уже с любопытством, не спуская глаз с надувшейся от возмущения противницы, — или у вас тут и кровопийцы водятся? Прикольно... У тебя там в сумке осинового кола случайно нет? Или, может, чеснок завалился?

Она забавно фыркнула, совсем как Эллен, сдувая чёлку со лба, и внезапно стало грустно от того, что дома безответная школьная любовь, так похожая на эту замарашку, даже не смотрела в мою сторону... Но долго предаваться меланхолии не позволило весьма неожиданное предложение:

— Докажи, что не врёшь — целуй...

Я растерялся, в ответ глупо промычав:

— Э... что, прямо так сразу? Мы же вроде только познакомились. Ну, если ты настаиваешь...

Мишель как-то странно на меня посмотрела, внезапно сильно покраснев, что стало заметно даже при тусклом свете факела — пунцовые щёки горели огнём, а в глазах бушевала настоящая ярость. Я прямо замер в восхищении, так она была красива — первый раз за столько лет заметил, что Эллен не единственная девчонка в мире...

— Ах ты... — и она завернула такое, что я присвистнул, стараясь запомнить этот замечательный оборот, представляя, как вытянется лицо сражённого наповал Эдди...

Должен признать, ругаться в Средневековье умели, и совсем неплохо — ну, подумаешь, ошибся человек, что ж сразу орать-то? Оказывается, мне было предложено всего-то приложиться к распятию, и, прикинув, что серебро по-любому убивает микробы, я тут же исправил ситуацию — так горячо прижался губами к потемневшему кресту, вообразив, что это нежные губы горячки, что она поперхнулась и замолчала. А я, вытерев рот рукавом футболки, усмехнулся:

— Ну что, довольна, теперь веришь?

Дочь местного кузнеца смотрела на меня, мягко выражаясь, с опаской, но кивнула, окинув взглядом, полным вполне обоснованного подозрения:

— А ты странный, Мик...

Я поднял бровь:

— Ну, знаешь, у тебя тоже видок не для королевского приёма... — сказал и испугался, что она обидится. Но Мишель вдруг так светло улыбнулась, что я на мгновение забыл о той

абсурдной ситуации, в которой сейчас находился. И тут в голову словно что-то стукнуло, наверное, это глупый мозг наконец проснулся — разве возможно, чтобы у нас с ней была одна душа на двоих? Нереально... Значит, или она *не моё прошлое воплощение*, или... я влип во что-то очень нехорошее.

Он появился внезапно, довольно хлопая в ладоши — противная улыбка растянула рот до ушей, глаза смеялись, нет — они потешались надо мной. Тонкие губы не шевелились, но я отчётливо слышал ехидный голос мерзавца, заманившего доверчивого дурачка в ловушку. И не только я один — дрожащая ладонь Мишель прильнула к моим пальцам, и в ответ они крепко её сжали, то ли пытаюсь приободрить, то ли ища поддержки — и сам не понял... Горячее дыхание спрятавшейся за моей спиной девушки обожгло затылок, странным образом придав сил устоять после услышанного:

– Bravo, Мик! Кажется, я недооценил твои умственные способности, хотя теперь это уже не имеет никакого значения, маленький задиристый глупец...

Его коричневая монашеская ряса не касалась пола, капюшон был откинута на спину. Я с замиранием сердца смотрел, как чёртов гипнотизёр парил над полом, и невидимый ветер развеивал полы его одежды, ероша начинавшие редеть тёмные волосы. Но когда прозрачная волна пробежала по лицу ухмыляющегося месье Штерна, меня немного отпустило:

– Спокойно, на самом деле его здесь нет, это всего лишь

изображение, просто внушённая картинка. Решил запугать, дешёвый фокусник, на самом деле он там, в комнате и никому не может причинить вреда... — как же хотелось верить в это, но испуганный шёпот Мишель у самого уха не добавлял храбрости:

– Мик, это привидение, да? Я слышала, при строительстве крепости погибло несколько монахов, их тела так и не нашли... Что же с нами будет?

Было страшно, и, не зная, что ответить, просто ещё раз пожал её ледяные пальчики. Я ненавижу себя за беспомощность, за то, что мой обычно болтливый язык сейчас не хотел ворочаться:

– Возьми себя в руки, идиот, ты же не трус, успокой малышку, не молчи, скажи хоть что-нибудь...

Но пока я пытался дать себе мысленного пинка, «доктор Эмильен» решил высказаться, прояснив ситуацию. И почему злодеев всегда так тянет похвастаться своим «гениальным замыслом»? Что б он сдох...

– Не стоит так нервничать, Мик, ничего уже не исправишь, смирись. Если бы у меня был другой выход, я не стал так поступать, наверное. Мне важно сохранить жизнь этой малышке, и не собираюсь объяснять тебе — почему. Хотя судьбой ей предназначено погибнуть — в этом месте сегодня, увы, обвалится свод, ты заменишь собой девочку, найдя конец под грудой *очень тяжёлого камня*. Уверен, история не заметит небольшой подмены...

Он улыбнулся, а я вдруг почему-то успокоился, шепнув Мишель:

– Не слушай его, он просто псих, вот и несёт всякий бред.

Эмильен погрозил мне пальцем:

– Не груби, Мик. Сам-то, наверное, от страха уже штаны обмочил — все вы одинаковые... Мишель, деточка, ничего не бойся: сейчас ты быстро пойдёшь по этому тоннелю и три раза повернёшь налево. Ход выведет тебя прямо к убежищу, поспеши, не расстраивай родителей — они уже итак потеряли двоих детей...

У меня от его слов заныло в груди — не верилось, что этот паршивый «доктор» хочет кого-то спасти; кто знает, какую страшную участь он приготовил моей новой знакомой. Не отличавшаяся особой доверчивостью Мишель, видимо, тоже об этом подумала. Она прижалась ко мне, ища защиты, и сердце новоиспечённого рыцаря радостно ёкнуло, а руки тут же обняли её осиную талию. Голосок «прекрасной дамы» дрожал, но звучал на удивление твёрдо:

– Я знаю, кто ты, *Чёрный монах*, похищающий детей и продающий дьяволу невинные души! Лучше умереть вместе с Миком, чем слушать тебя, мерзкий приспешник... — и в опасной близости от моего носа из сумки вынырнул знакомый крест.

Оставалось только грустно усмехаться про себя:

– Круто, всё-таки чуть не схлопотал этой штукой по уху... Опять она за старое — и дались ей эти «приспешники», за-

циклилась девчонка...

Реакция подозрительного монаха на «грозную» отповедь была не такой снисходительной: он выругался, начав совсем неласково орать на бесстрашную Мишель, грозя «обоим идиотам» — то есть нам — скорой неминуемой гибелью. Но, как я и предполагал, из-за отсутствия тела сам что-либо сделать не мог, а переубедить «спасаемую» — у него не получалось... Вот уж точно — нашла коса на камень.

А дальше... Пока я мысленно прощался с жизнью, расставаться с которой не хотелось даже в объятиях прекрасной упрямыцы, с месье Штерном что-то произошло: он вздрогнул и, закатив глаза, начал медленно таять в воздухе. Мишель, вырвавшись из моих совсем уж обнаглевших рук, гордо потрясла грозным распятием перед пытающимся уклониться от удара лицом своего «рыцаря»:

– Вот, Мик, ты сам видел мощь семейной реликвии, доставшейся мне от прадедушки — ни один нечестивец не может перед ней устоять, — и я охотно с ней согласился, чувствуя, как что-то происходит вокруг. Пол под ногами несильно вздрогнул, и сердце рухнуло к нему поближе — вот он, обвал, началось!

В то же мгновение странно замедленный голос невидимого гипнотизёра начал свой отсчёт:

– Один, два...

Я и не представлял, сколько всего можно успеть сделать, пока длятся три коротких слова: оттолкнул Мишель в сторо-

ну, крикнув:

– Беги в убежище! — и, прежде чем окончательно растаять, успел почувствовать вкус её сладких губ и увидеть сверкание удаляющихся пяток моей «прекрасной дамы»...

Кто-то очень хотел, чтобы я поскорее пришёл в себя, и потому, наверное, немилосердно лупил меня по щекам, повторяя:

– Очнись, очнись же, Мик! Надо валить отсюда...

Просьба была настолько убедительной, что, даже не успев открыть глаза, я со всей силы лягнул Эдди:

– Убери грабли, придурок, зашибу...

То, как мы возвращались домой — помню плохо, голова раскалывалась от боли, и только крепкая рука друга не позволила мне свалиться в пути, слохнув где-нибудь в мусорной куче. Когда добрались до набережной, я торопливо спустился к воде, и, стоя на коленях, забыв о брезгливости, с радостью выжившего идиота плескал в лицо мутной, отдававшей зеленоватой тиной влагой.

Всю дорогу молчавший Эдди заботливо вытер моё лицо краем своей футболки и, виновато пряча глаза, прошептал:

– Прости, Мик. Плохая получилась шутка...

Я только кивнул:

– Не спрашивай ни о чём — нет сил говорить, просто расскажи, что произошло...

Он сидел рядом со мной на корточках, зачем-то срывая жёсткую как колючки траву:

– Ты в этом кресле словно спал, а Эмильен что-то бормотал и всё время на тебя пялился. Было так жутко... Я хотел его остановить, но побоялся, что он навредит моему лучшему другу. А когда ты вдруг начал бледнеть, прямо до прозрачности — не выдержал и от души дал ему в морду. И хорошенько встряхнул, чтобы привести гада в чувство, — Эдди довольно улыбнулся приятным воспоминаниям, — ему пришлось вернуть тебя назад, знаешь, я прям слетел с катушек — пообещал свернуть шею этому доктору Штерну...

Я снова растерянно кивнул. Мы встали и медленно побрели по знакомым улицам, Эдди пытался что-то бубнить в своё оправдание, но я не слушал. Мне сейчас было не до него, и даже не до Эллен — все мысли занимала Мишель:

– Сумасшедшая дурочка, пожалуйста, доберись в убежище и... живи долго, малышка.

Её поцелуй всё ещё горел на моих губах...